

ISSN 0002-3442

АКАДЕМИИ НАУК СССР

• ПОЛИТИКА
И ДЕМОГРАФИЯ

• ВСЕ ПОДЕЛИТЬ
ИЛИ ВСЕ ЗАРАБОТАТЬ?

• ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
АКАДЕМИКА М.К. ЯНГЕЛЯ

• ПИСЬМА И.П. ПАВЛОВА
(ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ)

10
1991

Наука и общество

Автор публикуемой ниже статьи — один из наиболее авторитетных советских демографов. В статье анализируется сложившаяся в нашей стране демографическая ситуация, ее оценки некоторыми специалистами, способы идеологизации науки о народонаселении политическим руководством СССР, а также самими исследователями демографических процессов.

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

ИДЕОЛОГИЗИРОВАННАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Демографическая ситуация в СССР сложна. Страна больна, и признаки демографического неблагополучия переплетаются с экономическими и социальными недугами. Демографические проблемы, еще недавно мало кого волновавшие, привлекают все больше внимания, вокруг них разгораются споры, сталкиваются взгляды, идеологии, мифологии. Не хотелось бы затискивать все их живое многообразие в жесткие рамки каких-то схем. Но все же выскажу одно "классификационное" соображение, проясняющее, по крайней мере, мою собственную методологическую позицию.

XX век для народов СССР — время огромных исторических перемен. Хотя они нигде и никогда не проходят безболезненно, в нашем отечестве по части болезненности, пожалуй, были поставлены кое-какие рекорды. В этом сходятся многие. В этом, но не в отношении к самим переменам. Здесь все диагносты и прогнозисты, в том числе и демографические, соглашаясь в критической оценке сегодняшнего дня, распадаются на две большие группы. Назовем их условно "традиционалистами" и "модернистами" (понимая, что в конкретных условиях нашей страны или какого-либо ее региона они неизбежно окажутся связанными с той или иной интеллектуальной либо политической традицией: "западники", "славянофилы", "марксисты", "большевики", "фундаменталисты" и т.д.).

Традиционалист выводит все сегодняшние несчастья из того, что история в один печальный день — в октябре ли 1917 года, при Петре ли Первом или во времена Возрождения — повернула "не туда", сбилась с пути, и это принесло нам неисчислимые беды. Надо, стало быть, сдать назад (по возможности, разумеется), отказаться от ненужных перемен, восстановить все, что можно, и обрести потерянный рай. Иными словами, традиционалист

© ВИШНЕВСКИЙ Анатолия Григорьевич — доктор экономических наук, заместитель директора Института занятости АН СССР и Минтруда СССР.

Гел. 316-34-14

критикует сегодняшний день с позиций прошлого, о котором уже все забыли.

Модернист рассуждает по-иному. Он изначально приветствует все перемены и видит главную беду в том, что они пока недостаточно радикальны: что ростки нового прорастают слишком медленно и общество увязло на полпути, корчится в затаившихся родовых муках. Отсюда необходимость ускорить перемены и приблизить наступление светлого завтра. Он, следовательно, судит сегодняшний день с позиций будущего, которого никто не видел.

Должен признаться, что мое отношение к упомянутым методологическим парадигмам не вполне симметрично. Я, скорее, модернист, правда не оголтелый. Я все же верю в стрелу времени, в необратимость исторического движения, хотя и стараюсь не впадать в хилиастическую ересь и не ждать от завтрашнего дня разрешения всех мучительных сегодняшних вопросов. В этой статье содержится полемика с традиционалистами, и она ведется с модернистских позиций. Но я стараюсь не забывать мудрую мысль Нильса Бора о том, что такое глубокая истина. Глубокое утверждение, говорил он, обладает тем свойством, что противоположное ему — тоже глубокое. Настаивать на своей абсолютной правоте и абсолютной неправоте оппонента можно, только оставаясь в мире банального.

О чем трубим?

В сентябре 1990 г. "Литературная газета" и "Комсомольская правда" опубликовали трактат Александра Исаевича Солженицына "Как нам обустроить Россию". Публикация вызвала заметный отклик — вплоть до обсуждения в Верховном Совете, в котором принял участие Президент страны М.С. Горбачев.

Высказывания А.И. Солженицына, в том числе и по некоторым демографическим сюжетам, интересны для нас потому, что он четко формулирует свою исходную позицию, которую в более или менее явном виде разделяют многие критики современной советской действительности. "Весь XX век жестоко проигран нашей страной: достижения, о которых трубили, все — мнимые. Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище" [1, с. 26].

Трудно яснее выразить отношение к тому, что произошло с нами. Модернизация общества не то чтобы не замечается — скорее, она не признается за благо. В такой позиции может быть своя глубина — тогда плодотворна и оппозиция. Смущают лишь "достижения, о которых трубили". Если только трубили, то ни Солженицыну тут нет смысла спорить, ни мне. А вот нет ли чего, о чем как раз не трубили или трубили неохотно, вполсилы, больше для порядка — чтобы во всем виделись успехи?

Во многом не согласится с Солженицыным наша официальная или полуофициальная идеология, а зайдет речь о демографических делах — тут, пожалуй, они и сойдутся странным образом — и окажутся к тому же в русле давней устойчивой традиции.

Модернизация смертности

Из всех составляющих демографической модернизации официальная идеология всегда безоговорочно признавала лишь одну — снижение смертности. Вот уж где трубили, так трубили! Кое-какие основания конечно, имелись. Смертность в России на исходе прошлого века была по тогдашним европейским меркам чрезвычайно высока. Средняя продолжительность жизни составляла 32 года (во Франции — 48), а к концу 50-х годов она увеличилась, по официальным данным, до 69 лет. Даже если считать эту оценку завышенной из-за значительного недоучета смертей в некоторых регионах, огромное снижение смертности за полвека отрицать нельзя. И все же оно не такое, как постоянно декларировалось даже в "научной" литературе вплоть до самого последнего времени.

Это давняя пропагандистская традиция. Еще в 1954 г., приводя цифры, характеризующие общий коэффициент смертности по разным странам, А. Микоян, многолетний член сталинского руководства, писал: "Если до революции смертность в России была вдвое выше, чем в США и Англии, и почти в два раза выше, чем во Франции, то сейчас в СССР она ниже, чем в США, Англии и Франции. Достижения Советского Союза в области здоровья и долголетия населения говорят сами за себя" [2]. Демографы хорошо знают, что общий коэффициент смертности мало пригоден для того, чтобы судить об ее истинном уровне — он слишком сильно зависит от возрастного состава и у "молодых" населений всегда намного ниже, чем у "старых". С помощью этого показателя нетрудно прийти к выводу, что во второй половине 80-х годов смертность в СССР (общий коэффициент составлял около 10 на 1000) ниже, чем в Швеции (около 12 на 1000), но, правда, выше, чем в Мексике или Египте (соответственно менее 7 и менее 9 на 1000).

На деле смертность в СССР никогда, даже в самые благоприятные годы, не была ниже, чем в большинстве развитых стран. Что же говорить о крайне неблагоприятных, катастрофических периодах?

В воспоминаниях сына Микояна, опубликованных не так давно в "Огоньке", промелькнула цифра: автор, со ссылкой на слова отца, утверждает, что во времена сталинских репрессий расстреляно семь миллионов человек. Мои демографические мозги отказывались в это верить. Ведь это равно всему числу умерших в стране за два таких года, как 1940, когда смертность была еще довольно высокой, или за четыре таких года, как 1953, которым так гордился Микоян. В 1946 г. Сталин заявил, что за время Второй мировой войны в боях с немцами, в результате оккупации части территории и угона советских людей на немецкую каторгу мы безвозвратно потеряли около семи миллионов человек [3]. Цифра лживая, преуменьшает потери раза в четыре, если не больше. Но все же речь шла о самой страшной войне в истории страны. А здесь (так и хочется сказать: тихо и мирно) — семь миллионов? А сколько миллионов еще погибло "своей смертью" — в лагерях или у себя дома от голода? Немыслимо!

Но вот недавно я прочел, что только в одном месте под Москвой — в Бутово — захоронено 300 тысяч расстрелянных. А таких захоронений множество, и обнаруживаются все новые. Выходит, что семь миллионов расстрелянных — не преувеличение. И "достижения в области здоровья и долголетия" воистину говорят сами за себя.

Да и что правда о снижении смертности вследствие ее модернизации изначально плотно переплеталась с неправдой. Путь вымирания поколений — вещь, увы, неизбежная — становится совсем иным, чем прежде. Внешние, экзогенные причины смерти, слабо связанные с возрастом человека или наиболее опасные в детстве (болезни, вызванные голодом или недоеданием, инфекционные и простудные заболевания и т.п.) все более вытесняются причинами иного типа, связанными преимущественно с естественным старением организма (эндогенные) или с медленно накапливающимся действием внешних факторов (квазиэндогенные) и поэтому обрывающими жизнь в основном пожилых и престарелых людей. В этом и заключается модернизация смертности, которая ведет к ее "снижению". Строго говоря, никакого снижения не происходит, как и прежде в конце концов умирают все родившиеся. Но смерть отсрочивается в более поздние возрасты и растет продолжительность жизни.

Смертность модернизируется вместе с модернизацией общества, которая в СССР отождествлялась с построением социализма, но шла — часто более успешно — и во многих других странах. В той мере, в какой мы преуспели в этой общей модернизации, в повышении благосостояния, культурного уровня и т.д., удалось добиться и значительного увеличения продолжительности жизни. Но преуспели-то мы далеко не во всем. Потому и со снижением смертности отстали. Давно ли мы стояли в одной шеренге с Японией: в 50-е годы наши показатели ожидаемой продолжительности жизни (правда, официальные, наверняка, преувеличенные) были даже выше. Прошло 30 лет, Япония опередила все развитые страны, а мы как были в хвосте, так там и находимся по сию пору. Теперь нас догоняют (а то и обгоняют) страны развивающиеся — такие как Аргентина или Южная Корея.

А трубить — трубили, тут я с А.И. Солженицыным полностью согласен.

Сейчас пропагандистские штампы недавнего прошлого забыты. Средства часовой информации полны сетованиями на чрезмерно высокую смертность и всякого рода морализированием по этому поводу. Ищут виноватых, жалуются на плохую работу Министерства здравоохранения, на недостаток средств. Жалобы, конечно, справедливые. Но все-таки зреть надо в корень. Мне кажется, что наш нынешний уровень смертности вполне соответствует состоянию общества, которое все еще напоминает первые автомобили: двигатель внутреннего сгорания сочетается с формами кареты, рассчитанной на лошадиную тягу. Такая карета не сможет быстро ехать, даже если установить на нее мощный современный мотор, — потому и мотор не совершенствуется. Серьезный рывок в снижении смертности требует глубокого обновления всей системы общественных отношений и соответствующих им ценностей. Оно начато, но пока пробуксовывает.

Модернизация рождаемости

С рождаемостью — вторым основным демографическим процессом — все не так просто. Трубили, конечно, и здесь. Но о чем? О том, что рождаемость высока, выше, чем у других.

Возьмем 36 том второго издания Большой Советской Энциклопедии, вышедший в 1955 г., и найдем там статью "Рождаемость". "В противополо-

ложность тенденции падения рождаемости в капиталистическом мире, в СССР существует высокий уровень рождаемости, который, несмотря на тяжелые потери, понесенные населением страны в годы Великой Отечественной войны 1941—1945, обеспечивает быстрый рост населения (...) Высокая рождаемость в СССР является следствием непрерывного роста благосостояния трудящихся, заботы Коммунистической партии и Советского государства о здоровье населения, отсутствия безработицы" [4].

Разумеется, этот панегирик легко списать на счет избыточного оптимизма официальной пропаганды. Но вот мнение Питирима Сорокина (60-е годы), которого никак не заподозришь в близости к официальным идеологическим структурам. "Хотя Советский Союз потерял от 50 до 75 миллионов человек во время гражданской войны, Революции и в двух мировых войнах, хотя большая часть европейской России была разрушена вторгшимися немецкими армиями, тем не менее население Советского Союза удивительным образом пережило эти демографические катастрофы и занимает в настоящее время третье место среди населения всех стран (...) Такое почти чудесное восстановление после катастрофических потерь населения происходило несколько раз в истории русской нации. Это иллюстрация к тому, что я определяю как "огромную жизнеспособность" и "упорство" данной нации. Эти черты подтверждаются также существенным падением смертности (7,5 на 1000 в 1956—1960 гг., что является одним из самых низких показателей среди уровней смертности во всех странах и даже ниже, чем аналогичные показатели в западных странах, включая Соединенные Штаты), а уровень рождаемости — 25,3 на 1000, что опережает уровень рождаемости во всех западных странах, за исключением Канады, Израиля, а также Польши. Русский уровень рождаемости превышает, очевидно, уровень рождаемости большей части афро-азиатских и латиноамериканских стран" [5].

Как видим, Питирим Сорокин в своих демографических суждениях недалеко ушел и от А. Микояна, и от Большой Советской Энциклопедии. Высокая рождаемость — хорошо, низкая — плохо, а потому "трубить" надо только о высокой, а о низкой стыдливо умалчивать, либо — мы это увидим далее — трубить, так сказать, с обратным знаком, бить в набат как на пожаре.

Так ли беспорна эта позиция? Ведь высокая рождаемость — отнюдь не признак какого-то особого благоденствия, тем более социального прогресса. Это — дань, которую человечество на протяжении всей своей истории платило высокой смертности и которая тяжелым бременем лежала на женщине, на семье, на всем обществе. Когда же смертность начала снижаться, появилась возможность уменьшить дань, и люди не преминули этим воспользоваться. Снижение рождаемости стало одной из главных составляющих модернизации общества в XIX—XX вв., сохранение высокой рождаемости — ее серьезной помехой. Демографы, в том числе и русские, поняли это давно.

В самом начале века известный русский демограф П.И. Куркин писал: "Существующий в данное время уровень рождаемости (...) чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства. Наоборот, потери так велики, что при самом широком производстве (...) получается совершенно малый прирост. Поэтому есть полное

основание, по нашему мнению, ожидать, что (...) улучшение экономических, гигиенических и т.д. условий (...) у нас в России, скорее всего, должно привести к понижению рождаемости населения, к достижению той его наиболее полезной нормы, которая обеспечила бы как удовлетворительный прирост, так и сохранение бесполезно растрачиваемых в настоящее время производительных сил населения и создание более крепкого и жизнеспособного потомства" [6].

То, что было понятно П. Куркину в начале века, к концу его вполне могло бы стать достоянием более широких кругов общественного мнения. А так как рождаемость и в самом деле снизилась, то о том бы и следовало трубить. Ибо при всех оговорках, которые нам предстоит сделать, снижение рождаемости есть благо.

Но не тут-то было. Трубить стали совсем о другом: о том, что рождаемость падает и население страны или отдельные ее народы находятся на пороге вымирания.

Не вымираем ли?

"Все знают: растет наша смертность, и превышает рождения, мы так исчезнем с Земли!" [1, с. 7]. В этих словах А.И. Солженицына — целая концепция, одновременно и демографическая, и политико-идеологическая, у нее множество последователей — ведь "все знают". Демографический аргумент — угроза вымирания русских, славянских народов СССР, населения России — звучит со страниц газет и журналов, вплетается в речи идеологов, возникает в политических спорах чаще и чаще.

Недавно журнал "Москва" напечатал статью Михаила Бернштама "Сколько жить русскому народу" [7]. Она пришла к нам из-за океана, заимствована из вышедшей в США в 1986 г. книги "Последняя империя. Национальный вопрос и будущее Советского Союза" и называется в оригинале "Демография этнических групп СССР в мировой перспективе" [8]. М. Бернштам анализирует современную демографическую ситуацию в СССР и ее возможные последствия и приходит, в частности, к выводу, что, если нынешние тенденции будут развиваться дальше, то к 2200 году останется всего 23 миллиона русских [7, с. 147; 8, р. 349]. Хотя статья не свободна от передежек, о чем уже говорилось [9], она неплохо обрисовывает многие весьма острые вопросы, связанные с серьезными изменениями этнодемографического баланса внутри страны.

По существу, автор рассматривает проблему изменений соотношения "Севера" и "Юга", хорошо известную демографам да и другим специалистам, изучающим глобальные перспективы. Чем дальше продвигается СССР по пути модернизации экономики, общественных отношений, всей своей цивилизации, тем плотнее сталкивается с новыми для него, но давно известными развитым странам трудностями. Это относится и к проблеме низкой рождаемости. Сегодня русских начинает заботить то, что волновало французов более ста лет назад.

Часто от этой проблемы вообще пытаются отмахнуться — как водится у

нас, с большой уверенностью в своей правоте. Демографы запутались окончательно. Они (...) все время пекутся о росте народонаселения (...). Не будет хватать рабочих рук для расширенного роста производительных сил страны. Какого роста? Ясно, что экстенсивного. Но за каждое человеческое поколение — четверть века — в наши дни производительность труда вырастает, во всяком случае, (...) может возрастать вдвое (...). Так действительно ли нужен нам пресловутый демографический рост?" [10].

Мне далеко не все так ясно, как автору процитированных строк (может это и означает, что я окончательно запутался). Не думаю, что одной экономической логики достаточно для ответа на все вопросы, которые ставит статья Бернштама, а тем более само реальное демографическое развитие. Проблема низкой рождаемости существует и сейчас она у нас общая со всеми развитыми странами. Но в реакции, которую вызвала публикация статьи, больше всего поражает, что никто этой всеобщности проблемы как будто и не заметил. Напротив, все силы направлены на то, чтобы подчеркнуть уникальность положения, выделить его из общего ряда, придать ему черты совершенной исключительности.

Вот что говорится, например, в предисловии к статье.

"Из проблем, унаследованных нами от эпохи застоя, самая серьезная — демографический кризис европейских народов СССР и прежде всего народа русского, который, если говорить правду, уже фактически начал вымирать. У него самый низкий в мире потенциал деторождения, и если нынешние тенденции сохранятся — а они все больше становятся необратимыми, — то уже в следующем столетии все русские (то есть восточнославянские) народы — великорусы, украинцы, белорусы — будут вычеркнуты из списка крупных народов мира и превратятся в небольшие малозначительные этносы, проживающие россыпью на территории, которую будут заселять уже другие народы" [11, с. 134]. И далее.

"Прогнозы Бернштама в состоянии повергнуть в отчаяние. Ведь предсказана этническая смерть, скорая демографическая катастрофа. Кто-то может, и отчаеется. Но отчаяние — удел слабых... На грани национальной, в том числе и демографической, катастрофы русский народ был не единожды. Не единожды сокращалась его численность и бывал, казалось, подписан ему приговор. Но всякий раз он возрождался, множился числом. Народ русский обладает особыми метафизическими качествами, не укладывающимися в рациональное мышление, которые позволяли ему выходить с честью из самых трудных положений. И масштабы грозившей опасности удесятаярили его силы, энергию, жизнестойкость" [там же, с. 136].

Публикация статьи М. Бернштама в СССР вызвала отклик, на какой он сам пожалуй, и не рассчитывал. В том же номере журнала "Москва" помещено еще три комментария к ней. Один из них — Михаила Антонова — стоит пожалуй, процитировать, и довольно пространно. "М. Бернштам считает, что (...) русский народ скоро вымрет; ряд отечественных ученых склонен к более "оптимистическим" прогнозам, считая, что после некоторого абсолютного сокращения численность русского населения стабилизируется. Лично я не могу привыкнуть к такого рода спокойным рассуждениям специалистов (...). Они кажутся мне безнравственными (...). При тех огромных территориях, которые нам надо вновь осваивать или вовлекать в хозяйственный оборот, при наших протяженных границах, которые не будем

чрезмерно поддаваться пацифистским иллюзиям "нового мышления") надо защищать, стабилизацию численности русского населения никак нельзя считать благом" [12, с. 18—19]. "Русскому народу, видимо, все же предстоит существенно увеличить свою численность, и демографическая политика России должна быть нацелена именно на это" [там же, с. 19]. "У России есть вселенское предназначение, о котором мы можем лишь смутно догадываться и которое полностью откроется только в последние дни этого мира. Но одна из сторон этого предназначения России для меня очевидна и несомненна: наша страна призвана быть хранительницей и мирной распространительницей самого чистого христианского учения и образа жизни — Православия, стать духовным лидером мира, маяком, указующим путь к спасению всей нашей безбожной, бесчеловечной и бессмысленной цивилизации (...) Для выполнения этой своей вселенско-исторической задачи Россия должна быть великим, населенным и духовно крепким государством. Поэтому для нее важно не только сохранить, но и существенно увеличить численность своего населения..." [там же, с. 21]. "М. Бернштам и его единомышленники рано хоронят русский народ. С нами Бог, и потому нам ничего не страшно" [там же, с. 16].

Уникальная ситуация предполагает, разумеется, и исключительные пути ее преодоления, а что может быть исключительней такого союзника, как Бог?

Числом поболее...

В процитированных откликах на статью Бернштама, как, впрочем, и в массе других публикаций прослеживается характерная черта всякого популяционистского мышления — его количественная направленность. Никто не говорит прямо, что величие народа вытекает из его многочисленности, но это легко прочитывается между строк. Если населения много, если оно растет, значит все в порядке. Можно трубить. Если мало, или если оно сокращается, а ты хочешь показать, что все в порядке, все равно труби. А если хочешь показать, что все плохо, труби наоборот. Здесь тоже традиция давняя.

Перечисляя достижения страны в 1934 г., после страшного голода предыдущих двух лет, Сталин среди первых называет "рост населения Советского Союза со 160,5 миллиона человек в конце 1930 года до 168 миллионов в конце 1933 года" [13]. Утверждение это, абсолютно лживое по существу (как стало известно недавно, даже в 1937 г., по данным "отмененной" тогда переписи, население страны составляло всего 162 млн человек), отвечало его собственным представлениям (да, видимо, и представлениям аудиторам, к которой он обращался) о том, что такое демографическое благополучие.

Сталин — фигура одиозная, но в том-то и дело, что далеко не он один прибегает к демографическим аргументам, не очень заботясь ни об истинности фактов, ни о глубине их истолкования. Подобный политико-идеологический прием для России не нов, он слышится уже на заре "прогрессивного XX века". Вот пример — *революционный русский философ В. Соловьев:*

философ В. Соловьев:

"По недавно обнародованным несомненным статистическим данным та значительная прогрессия, в которой возрастало наше население до восьмидесятых годов, с тех пор стала сильно убывать и в некоторых частях Империи уже сошла на нуль. А именно в губерниях среднечерноземной полосы с 1885 года прибыль населения, как известно, вовсе прекратилась и тот значительный (хотя и меньший, чем ожидали) прирост в 12 миллионов за 10 лет, который обнаружен переписью 1897 г., падает преимущественно на различные нерусские или полурусские окраины..." [14].

Численность населения ряда губерний за 1885—1897 гг. и впрямь увеличивалась медленно, а некоторых (Калужской, Воронежской) даже сократилась. Но почему? Естественный прирост в них оставался высоким. Более того, с середины 90-х годов он заметно превышал уровень предыдущих десятилетий и в целом по Европейской России, и по большинству губерний, в том числе по тем же Воронежской и Калужской. Другое дело, что этот прирост "съедался" урбанизацией и внутренней колонизацией. Миллионы людей из основных земледельческих губерний переселялись в промышленные центры или на новые земли на Северный Кавказ, в Западную Сибирь, в Новороссию. Говорить же о замедлении роста численности населения России в тот период оснований не было. В приведенных словах В. Соловьева прочитывается, скорее, "идеологический" запев, ссылка на "несомненные статистические данные" имеет декоративный, мифотворческий смысл.

Сейчас, конечно, истинное положение иное, рост населения и впрямь сокращается, но идеологи все равно толкуют ситуацию "с перебором".

Выше я цитировал слова Солженицына, относящиеся к великороссам, к русским. Русские убывают в числе из-за того, что умирает их больше, чем рожается (у него это сказано, правда, в более осторожной форме, допускающей толкования; зато вывод насчет исчезновения Земли категоричен и места для разнотолков не оставляет). По мнению другого цитированного автора, уже не одни лишь великороссы — все три восточно-славянских народа на грани исчезновения. Но ведь "несомненные статистические данные" (на самом деле, далеко не несомненные, но других не) говорят как будто об ином. Вот одна из последних публикаций.

Родившиеся, умершие, естественный прирост восточно-славянских народов в СССР (тыс. человек) [24]

	1979			1989		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
Русские в РСФСР	1706,3	1240,5	465,8	1601,9	1312,2	289,7
Украинцы на Украине	535,1	417,7	117,4	507,8	446,9	60,9
Белорусы в Белоруссии	118,8	74,5	44,3	118,0	83,0	35,0

Прирост, конечно, сокращается. Но малый прирост — это еще не убыль, не вымирание. И слова о "самом низком в мире потенциале деторождения" [11 с. 134] неизвестно, что обозначают и на чем основаны. Это все та же мифология. Рождаемость в России, в большинстве европейских республик стра-

ны, конечно, низкая, но все же выше, чем в большинстве развитых стран. В самом деле, даже в 1989 г., когда рождаемость, по сравнению с серединой 80-х годов, заметно снизилась, коэффициент суммарной рождаемости в России составил 2,02, на Украине — 1,93, в Белоруссии — 2,03, в Литве — 1,98; во всех остальных республиках он был выше этих значений. В то же время в Великобритании аналогичный показатель составлял 1,8, в Германии (ФРГ до воссоединения) — 1,4, во Франции — 1,8, в Италии — 1,3, в Швеции — 1,9 (данные 1987—1988 гг.).

Низкая рождаемость: зло или благо?

— Ну и что? — спросит любитель потрубить. — У тебя дома плохо, а ты радуешься, что у других еще хуже?

Я не радуюсь, я размышляю. С чего бы это у них было хуже? Со всем хуже у нас, а с рождаемостью — у них? У них меньше, но, может, это не означает хуже? Не пора ли преодолеть загниотизированность общественного мнения лишь одной стороной происходящих с рождаемостью перемен — падением ее уровня. Ведь эти перемены куда более многообразны, имеют неординарные социальные последствия, существенно затрагивают индивидуальный жизненный путь человека, особенно женщины, цикл семейной жизни, социализацию детей. Изменение основных параметров процесса прокреации вкупе с ростом продолжительности жизни, от которого они неотделимы, глубоко воздействуют на многие аспекты жизни людей, модернизируют ее, а тем самым и все общество.

Одно из непосредственных, но недостаточно оцененных последствий — изменение условий культурного наследования.

В отличие от биологического, социальное наследование осуществляется с помощью культурной традиции, под которой обычно понимают "выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт" [15, с. 154], передающийся от одного поколения к другому. Однако "указанный критерий оставляет за рамками традиции все виды аккумулируемого опыта людей, которые не носят социально организованного характера, в частности, сферу индивидуальной культуры" (там же). Отсюда — вывод о необходимости четко дифференцировать два вида стереотипов культуры — групповые и индивидуальные, ибо "культура, включая массивы индивидуально-личностной культуры, оказывается значительно шире культурной традиции" [15, с. 173—174].

В отличие от групповых стереотипов, которые могут трансформироваться от поколения к поколению по самым разным, а тем числе не персонафицированным информационным каналам (культурные символы, религия, искусство, наука и т.д.), передача индивидуальных стереотипов требует непосредственных контактов с их носителями. Демографическая модернизация резко расширяет возможности таких контактов.

Это вытекает прежде всего из огромного увеличения времени совмест-

ного существования поколений детей, родителей и прародителей. В частности, в СССР менее чем за сто лет, только за счет снижения смертности, время контакта поколения детей с поколением родителей увеличилось примерно в полтора раза. Второй очень важный фактор увеличения времени непосредственного контакта между поколениями, а значит, и социализирующего влияния старшего поколения на младшее — намного более раннее завершение женщинами прокреации.

Отмеченные изменения наблюдаются на социальном уровне, но, пожалуй, с особой силой проявляются в семье. Здесь концентрируется подавляющее большинство индивидуальных контактов людей в детском возрасте, когда закладываются основы личности и воспринимается основная масса передаваемой из поколения в поколение социокультурной информации.

При переходе с социетального уровня на уровень семьи воздействие демографических перемен на возможности межпоколенных контактов человека становится особенно наглядным. Об этом, в частности, писал в своей давней статье Ж. Фурастье, сопоставлявший жизненные циклы среднего западноевропейца в конце XVII и середине XX вв. [16]. В других работах было показано, как сильно меняется весь характер родственного окружения человека. По оценкам Ле Бра, сегодня близкие родственники, принадлежащие к тому же поколению, что и сам человек, на протяжении большей части жизни составляют примерно половину всех близких родственников, тогда как прежде на их долю приходилось от трех четвертей до двух третей близкого родственного окружения [17]. Иными словами, родственные связи внутри поколения (или близких по дате рождения поколений) в значительной мере замещаются межпоколенными родственными связями.

К этому надо добавить, что одновременно резко сокращается число рождаемых женщиной (и с большой вероятностью — умирающих в раннем возрасте) детей. Так что возросшее время межпоколенных контактов "распределяется" к тому же на значительно меньшее число детей, в результате чего контакты становятся (или, во всяком случае, могут стать) гораздо более интенсивными, нежели прежде.

Таким образом, в силу одних только объективных, часто не осознаваемых демографических причин семейная социализирующая среда становится совершенно иной, чем была на протяжении столетий. Дети растут в обстановке "индивидуализированной" опеки со стороны старших поколений, какой не знала ни одна прошлая эпоха. Есть бесконечно много положительных и отрицательных следствий этой новой исторической ситуации, причем, по-видимому, все они плохо осознаны.

Между тем речь идет о вещах более чем важных. Изменения происходят в святой святых, всякого общества — модернизируются механизмы социального наследования. Невывало расширяется роль наследования индивидуальных образцов культуры, что не может не ограничивать значение и сферу действия передаваемых из поколения в поколение групповых стереотипов. А такие перемены влияют на общество и человека едва ли не сильнее, чем самые громкие технические, экономические или политические новации. Они сказываются — и отнюдь не самым худшим образом — на качественном состоянии общества, его экономическом потенциале и социальном динамизме. Не осознав этого, трудно войти в XXI век в одном ряду с другими развитыми странами.

Феномен Средней Азии

Все эти воображения не отрицают, конечно, чисто демографических проблем низкой рождаемости, но указывают на неоднозначность и сложность положения. В общественном сознании в СССР отрицательные последствия снижения рождаемости запечатлены очень хорошо. Что же касается положительных — иногда количественных и всегда качественных, то они пока осмыслены весьма слабо.

Особенно отчетливо это видно на примере Средней Азии, где самая высокая в стране рождаемость. Хотя смертность в этом регионе выше, чем в европейской части страны, модернизация процесса вымирания поколений продвинулась здесь уже довольно далеко, и ожидаемая продолжительность жизни очень сильно выросла. Прокреативное же поведение обновляется гораздо медленнее, уровень рождаемости остается высоким. В результате резко ускорился рост населения региона. За 40 лет — с 1950 по 1990 — оно увеличилось в 2,3 раза (на 22,9 млн. человек). Поскольку в большинстве других районов страны ничего подобного не происходит, доля Средней Азии в населении СССР с 1950 г. выросла с 5,9% до 11,6%. В ближайшие два десятилетия численность населения региона увеличится еще примерно на 20 млн. человек. Если считать, начиная с 1950 г., получается пятикратное увеличение за 60 лет. В пределах территории, которая никогда не кормила более чем 10 млн. человек, будет жить не меньше 50 млн.

Такое развитие событий не может не беспокоить людей, трезво оценивающих нынешний экономический потенциал региона, его экологическое состояние, переживаемые им социальные трудности. Обеспокоенность выражают и специалисты, и государственные деятели, правда, в очень осторожной форме. Например, в 1987 году тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана К. Макхамов сказал, выступая на пленуме ЦК: Мы много и с гордостью говорили о первом месте, занимаемом Таджикистаном по рождаемости, о высоких темпах естественного прироста населения ("трубили" — А.В.), но не проявляли должной заботы о том, где работать людям, как обеспечить их питанием, жильем и многим другим" [16]. А на сессии Верховного Совета СССР в июле 1987 г. глава правительства Таджикистана И. Хаёев, отметив ограниченные экономические возможности республики, заявил: "С учетом всего этого, наряду с созданием новых рабочих мест, мы развертываем работу по организации службы планирования семьи" [19]. Ранее в подобном духе высказывались и среднеазиатские исследователи, которые подчеркивали, что объективных оснований для "сохранения неоправданной демографической исключительности отдельных наций и народностей" нет и что ее преодоление "достигается не путем декретирования (...), а на основе ликвидации различий в социально-экономической и духовной жизни народов". Преодоление упомянутой "демографической исключительности" связывалось с "изменением демографического поведения путем максимального вовлечения женщин в общественное производство, расширением добровольного применения противозачаточных средств, повышением престижности социальных интересов по сравнению с высокой рождаемостью и т.д." [20].

Но достаточно явственно были слышны и другие голоса. Условия социализма, утверждал, например, один из авторов, "создают для среднеази-

атских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиции многодетности". "Многодетная женщина как "социально-демографический стереотип" здесь сохранится и в будущем" [21]. В 1978 г. журнал "Коммунист Узбекистана" писал: "Залогом будущих устойчивых темпов роста населения Средней Азии является сохранение и закрепление в благоприятных социально-экономических условиях развитого социализма традиции многодетности". И далее: "Общая направленность политики в области рождаемости в нашей стране, как и во всех социалистических странах, состоит во всемерном ее поощрении (...). Такая политика predetermined самой природой социализма, при котором население рассматривается как бесценный капитал" [22].

Сейчас фразеология несколько изменилась, но линия на чисто количественное понимание "бесценного капитала" даже усилилась. Подчеркивается превосходство среднеазиатского типа прокреативного поведения перед "европейским", ибо "только благодаря еще относительно широкому распространению в среднеазиатском регионе многодетных семей воспроизводство населения в стране не перешло грань депопуляции" [23, с. 553].

Как и следовало ожидать, идут жаркие споры вокруг проблем планирования семьи. Массовая практика сознательного регулирования деторождения — вещь исторически новая, она плохо сочетается с традиционными нормами прокреативного поведения и всегда порождает более или менее острый конфликт внутри культуры, идет ли речь об Англии XIX в. или, скажем, Индии XX. Неизбежность этого конфликта на уровне массового сознания очевидна, и почти столь же неизбежен его перенос на уровень идеологизированного "научного" сознания.

Типичный пример — статья туркменского демографа Ш. Кадырова "В защиту традиций". Автор признает правомерность планирования семьи лишь в той мере, в какой оно "отвечает за гигиену деторождения", но отвергает как "инструмент демографической политики в области рождаемости, а применительно к Средней Азии — как рычаг ее снижения" [23, с. 561]. Снова повторяется (правда, уже без ссылки на "природу социализма") тезис — "в нашей стране планирование семьи внедряется в рамках популяционистского курса демографической политики" (там же, с. 562). Мысль о том, что направленность демографической политики в разных регионах страны может быть разной — в зависимости от переживаемого ими этапа демографического перехода — по существу отвергается стремление связать снижение рождаемости с социальным обновлением общества осуждается.

Немалый вклад в сложившуюся путаницу с планированием семьи в регионе внесла демографическая школа А.Г. Вишневского, а также его стихийных последователей. В первой половине 80-х годов целая группа демографов подписалась под тезисом о необходимости устранить демографическую исключительность (имеется в виду многодетность) целых народов с помощью широкой пропаганды и распространения современной контрацепции и активного вовлечения женщин в общественное производство (...). Сложилась та самая ситуация, которой больше всего нужно было опасаться и о которой пророчествовали западные советологи, а именно что Кремль рано или поздно будет вынужден проводить политику ограничения рождаемости в Средней Азии или, говоря другими словами, две демогра-

фические политики: с курсом на повышение рождаемости в малодетной европейской части и понижение — в среднеазиатской. Способа спровоцировать межнациональные трения лучше не придумашь" [23, с. 562—563].

Нет сомнения, что позиция Кадырова отражает действительные настроения среднеазиатского общества. Не считаться с ними нельзя. В то же время мне кажется, что есдыка на две разные политики излишня. Планирование семьи отторгается общественным мнением в Средней Азии независимо от того, какая демографическая политика проводится (а точнее, декларируется) в европейских республиках. Более того, совершенно очевидно, что в практике прокреативного поведения среднеазиатские народы пока не особенно стремятся следовать европейскому опыту и достаточно спокойно воспринимает наличие "двух демографических практик". Напряженность общественного мнения вокруг проблем планирования семьи порождена, емоей точки зрения, не столько внешними причинами, сколько нарастающим кризисом традиционной системы демографических отношений и, соответственно, обострением конфликта внутри культуры самих среднеазиатских народов. В этой ситуации совершенно естественно включаются защитные механизмы традиционной культуры, и выстраивается линия обороны, далеко уходящая от собственно демографических вопросов. Не случайно статья Ш. Кадырова называется "В защиту традиций", причем защищает он прежде всего не какие-то определенные "хорошие" традиции, что встречается достаточно часто, а сам механизм социального управления посредством традиций.

* * *

В заключение коснусь одного весьма важного момента, имеющего непосредственное отношение к теме нашего разговора. Я пытаюсь разграничить методологическую и идеологическую позиции во взглядах на демографические процессы, понимая, впрочем, что сделать это непросто. В качестве критерия такого разграничения выступает место, отводимое "демографическому" в той или иной системе воззрений.

Под пером идеолога или политика "демографическое" утрачивает свою самоценность, включается во внешний по отношению к нему идеологический контекст и рассматривается уже не само по себе, а как аргумент в спорах о достоинствах или недостатках той или иной социально-экономической системы, политики, культуры, религии и т.д.

Самое "демографическое" трактуется при этом облегченно, поверхностно. В нем не видят обязательной и достаточно самостоятельной части фундамента, на котором держится общество, элемента корневой системы, питающей все общественное древо. Для идеолога место демографическое — где-то в кроне этого древа, в его листе, которая буйно зеленеет, получая благотворные соки от экономических и социальных корней, либо увядает, если эти корни повреждены.

В таком отношении к демографическому нельзя винить только политиков и идеологов. Вина самих демографов здесь не меньше. Демография всегда развивалась как очень идеологизированная область обществоведения, ход демографических процессов издавна пыталась связывать с чьей-либо виной

или заслугой. В этом видели "практическую значимость" демографии. Отсюда же и представления о том, что демографическими процессами легко управлять: стоит лишь исправить "ошибки" политиков, создать "благоприятные условия" и т.п. Таким образом, демографы сами подсказали путь политикам и идеологам, которые абсолютизировали принцип "вины" и "заслуги" и превратили демографические аргументы в орудие политической и идеологической борьбы.

Подобный подход, который я и называю "идеологическим", очень нравился советскому обществоведению. В его традициях всегда было явное пренебрежение самоценностью факта, намного важнее было найти ему место в заранее сконструированной и весьма жесткой идеологической схеме. Удивительным (а может, напротив, естественным) образом идеологизированная и насильюющая факты мысль породила со временем столь же идеологизированное и невнимательное к фактам оппонирование. Открытое оппонирование сейчас еще внове, и нас порой оглушает громкое бряцанье столкнувшихся идеологических доспехов. Но это дело временное. Звякают, соприкасаясь, пустые сосуды: порождающая презренные факты реальная жизнь, в том числе и демографическая, течет где-то вне их.

Если же мы в самом деле хотим разобраться в демографической реальности, нам не уйти от фактов. Конечно, их надо как-то осмыслить, концептуализировать, и здесь тоже не обойтись без обобщений, построения схем. Невизбежно и различное видение реальности — споры между демографами, по-разному трактующими одни и те же факты, будут, наверно, всегда. Но чтобы из обмена банальностями споры превратились в столкновение глубоких истин, они, я убежден, должны быть перенесены из идеологической в методологическую плоскость. А для этого надо признать самоценность демографических процессов, их коренное, основополагающее место в жизни общества. Серьезные, неконъюнктурные демографические изменения — это не реакция на удачные или неудачные шаги политиков, не следствие достоинств или недостатков политического строя. Это — проявление глубинной перестройки всей социальной системы, перехода к иному состоянию общества. Они, скорее, причина, чем следствие политических и идеологических перемен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М.: Патриот, 1991.
2. Микоян А.И. Речь на Первой сессии Верховного Совета СССР. М., 1954. С. 9—10.
3. Большевик. 1946. № 5. С. 3.
4. Рождаемость БСЭ. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1955. Т. 36.
5. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в XX столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 473—474.
6. Куркин П.И. Статистика движения населения в Московской губернии в 1883—1897 гг. М., 1902. С. 87.
7. Бернштам М. Сколько жить русскому народу. Размышления американского демографа // Москва. 1990. № 5.
8. Bernstam M.S. The demography of Soviet ethnic groups in world perspective // The last

Письма в редакцию

ВОРОНКОВ М.Г. Есть ли в науке возрастные пределы? 122

РОЗЕНТАЛЬ И.С. Еще раз о "заговоре монархистов" 126

Научная жизнь

БАЕВ А.А., ВЕНКСТЕРН Т.В. Советско-германское сотрудничество в молекулярной биологии: итоги 20 лет 129

ЗОТОВ А.А. Вклад ЮНЕСКО в создание общеевропейского дома 132

Официальный отдел

Юбилей. Президиум АН СССР решил 135

Этот номер "Вестника Академии наук СССР" был сдан в набор 19 августа, в первый день государственного переворота, к счастью, не удавшегося. Если прочесть материалы номера с точки зрения заявленных хунтой идей, то нетрудно убедиться, что статьи А.Г. Вишневого, А.С. Панарина, Н.А. Григорьян, Г.С. Батыгина и других наших авторов противоречат им диаметрально. Однако редакционная коллегия и коллектив редакции, будучи уверенными, что дело путчистов обречено на провал, не стали что-либо менять перед подписанием номера в набор. В известном смысле журнал, который вы держите сейчас в руках, является нашим нравственным отчетом перед читателями о тех днях, когда страна делала выбор между демократией и насильем — наручниками, цензурой, танками. Уже в следующем, 11-м номере журнала, наши авторы предпринимают попытку осмыслить августовские события и те социально-политические явления, которые они собой обозначают. Статья известного советского социолога И.В. Бестужева-Лады так и называется — "Август девятности первого. Социальные предпосылки, последствия, прогноз".

Подписка
принимается
без ограничений
во всех
отделениях
связи

Индекс
в каталоге
"Союзпечати"
70115

С предложениями
о рекламе
звонить по тел.
202-09-00

empire. Nationality and the Soviet future. Ed. by R. Conquest. Stanford, California, 1986.

9. Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографические тревоги России // Вестник АН СССР. 1990. № 8. С. 24.
10. Реймерс Н. Об экологии и не только о ней // СССР: Демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990. С. 106.
11. Гливаковский А.К. Предисловие к статье М. Бернштама "Сколько жить русскому народу" // Москва. 1990. № 5.
12. Антонов М. Духовная жизнь и исторические судьбы нации // Москва. 1990. № 8.
13. Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
14. Соловьев В. Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1988. Т. 1. С. 74.
15. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 154.
16. Fourastie J. De la vie traditionnelle à la vie "tertiaire". Recherches sur le calendrier démographique de l'homme moyen // Population. 1959. N 3. P. 418—419.
17. Le Bras H. L'évolution des liens de famille au cours de l'existence. Une comparaison entre la France actuelle et la France du XIXe siècle // Les ages de la vie. Actes du Colloque. T. 1. Travaux et documents, Cahier N 96. Paris, 1982. P. 27—45.
18. Коммунист Таджикистана. 1987. № 5. С. 22.
19. Известия. 1987. 2 июля.
20. Мулладжанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. Ташкент, 1983. С. 266, 268, 274.
21. Атамирзаев О. Многодетная женщина. Социально-демографический анализ // Женщины на работе и дома. М.: Статистика, 1978. С. 29—30.
22. Коммунист Узбекистана. 1978. № 1. С. 41, 43—44.
23. Кадыров Ш. В защиту традиций // СССР: Демографический диагноз. М.: Прогресс, 1990.
24. Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 181.